

КОНСТИТУЦИОННОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ, МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 342

ЮРИДИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КОНСТИТУЦИИ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ХАРАКТЕРИСТИКА

*канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЕВ
(Полоцкий государственный университет)*

Юридические свойства конституции рассматриваются в качестве важнейших признаков её как основного закона государства. Показано авторское видение проблемы относительно видового разнообразия представленных к рассмотрению сущностных характеристик. Анализируются причины разночтений в понимании таких терминов, как «конституция» и «основной закон», на примере некоторых государств. Доминирующим правовым свойством конституции рассматривается её верховенство. Высшая юридическая сила основного закона раскрывается через материальные и формальные параметры. Объясняется, почему конституцию необходимо считать базой текущего законодательства. В качестве одного из юридических свойств конституции предлагается выделять особый порядок её принятия и пересмотра, внесения поправок, а также специальные механизмы охраны и защиты.

Введение. Изучение свойств конституции подразумевает выяснение её качественных характеристик в самом разном преломлении: политическом, юридическом, идеологическом, культурном. Свойства конституции позволяют определить её роль и место, степень воздействия на общественные отношения, способность выступать важнейшим интегрирующим инструментом при решении приоритетных задач современного социума. Ясно, что свойства конституции в отдельные периоды и в различных странах существенно изменялись, менялась и их смысловая трактовка. Однако к настоящему времени стало очевидным, что «одним из важнейших элементов, определяющих стабильность всякой социальной системы и политического режима, признаётся право, прежде всего основной закон – конституция, определяющая правила игры всех участников политического процесса», – отмечает А.Н. Медушевский [1, с. 7]. На чём основываются такого рода утверждения?

Наиболее глубокое представление о свойствах и задачах конституции можно составить на основе изучения её функций. В данном случае остановимся на юридических свойствах конституции как главенствующего правового документа, играющего роль источника национального права № 1, как ядра всей правовой системы, юридической базы для нормотворчества и правоприменительной практики, правосознания индивидов. Можно сказать и так, что **юридические свойства конституции – это её признаки как основного закона государства.**

В юридической литературе не просматривается существенных разночтений при указании на набор и характеристики юридических свойств конституции, но не всегда проводится чёткое различие между признаками, чертами, характеристиками, свойствами конституции. С нашей точки зрения, особые юридические свойства конституции производны от её существенных признаков и выражаются:

- в её верховенстве;
- высшей юридической силе;
- её значении как базы текущего законодательства;
- в особом порядке её принятия и пересмотра, внесения поправок;
- в её особой охране и защите.

Основная часть. Прежде чем перейти к характеристикам указанных свойств, обратим внимание на важное обстоятельство. Дело в том, что в юридической теории и практике наряду с конституцией применяется и такой термин, как «основной закон». Например, в представленном тексте при изучении вопросов, касающихся белорусской Конституции, мы данные термины употребляем как однопорядковые, синонимичные. Здесь нет ошибки ни в грамматическом, ни в формально-юридическом, ни в сущностно-содержательном смыслах. Напомним, что преамбула действующей конституции подразумевает её «Основным Законом», а статья 2 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» прямо определяет: «Конституция Республики Беларусь – Основной Закон Республики Беларусь». Такой подход следует считать совершенно оправданным. В других правовых системах акценты могут быть расставлены иначе.

В качестве методологически исходной примем следующую точку зрения: «Основной закон представляет собой не столько содержательное, сколько формальное понятие, которое указывает место, зна-

чение этого нормативного акта среди прочих. Основным законом считают системно изложенный нормативный акт высшей юридической силы, который имеет учредительное значение, обобщённо регулирует наиболее важные государственно-правовые отношения, выступает правовой базой других законов. Основным законом, надо заметить, изобретён в рамках конституционной традиции и впервые нашёл применение именно в изложении конституционного права. Но это не мешает основному закону быть средством юридической техники в обслуживании государственности, не имеющей отношения к конституции» [2, с. 190].

Рассмотрим основные проблемные моменты в историческом ракурсе и на примере некоторых современных государств.

В тексте Конституции Российской Федерации нигде не встречается словосочетание «основной закон» (хотя оно присутствовало в наименовании всех принятых советских конструкций), и это вряд ли правильно. Исследователь С.А. Авакьян подразумевает Российскую Конституцию Основным Законом, так как «наименование “Конституция” всё-таки носит лишь данный акт» [3, с. 165]. Не вполне верное замечание. В правовой системе Российской Федерации термин «конституция» встречается в названиях верховных актов субъектов федерации, и на практике игнорирование Конституции России как «Основного Закона» приводило к серьёзным конфликтам между федеральным центром и субъектами федерации (достаточно сказать, что Конституционный Суд Российской Федерации в 1992 году вынужден был принять Постановление по делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете (!) Татарской ССР от 30 августа 1990 года [4, с. 380], и в 1996, 2000, 2003 годах определял юридическую силу конституции (устава) субъектов Российской Федерации относительно её Конституции [5, с. 219]). Игнорирование федеральной Конституции как «Основного Закона» напрямую может угрожать целостности государства, и вопрос здесь не в игре слов.

Своеобразный подход по проблеме обозначил В.В. Лазарев, автор предисловия к одному из лучших научно-практических комментариев к Конституции Российской Федерации. Обращается внимание на обстоятельство, «имеющее существенное значение для определения природы как самой конституции, так и оформляемой ею государственности», и пишется следующее: «Из наименования Конституции изъято словосочетание «Основной Закон», которое неизменно присутствовало в прежних конституциях. Из такого изъятия, однако, не следует, что меняется место Конституции Российской Федерации в иерархии правовых актов, оно лишь свидетельствует об отождествлении составителями проекта содержания понятий «Конституция» и «Основной Закон» и желании избежать в силу их совпадения повторения» [6, с. 3]. Такое единство взглядов с разработчиками Конституции 1993 года несколько удивляет, ведь к моменту написания комментария (2003 г.) в России проблема Конституции как «Основного Закона» вовсе не снята с повестки дня.

Обращаясь к истории, можно убедиться в неоправданности смешения терминов «конституция» и «основной закон». Англия и Швейцария на протяжении многих столетий жили в условиях конституционного строя, не имея «основного закона» как такового. Поэтому верно замечание В.В. Маклакова о том, что первыми актами, не имевшими конституционного назначения, но по существу обладавшими качествами основного закона, были акты, отразившие борьбу английской буржуазии против абсолютизма [7, с. 26]: Петиция о праве 1628 года, Билль о правах 1689 года и некоторые другие акты, проведённые буржуазией через парламент с целью оградить себя от произвола. Более того, если «конституция» и «основной закон» тождественны, тогда «Великобританию нельзя считать конституционным государством, ибо в этой стране нет основного закона. Но это не сообразность: как бы американцы ни настаивали на своём первенстве в конституционном творчестве, родиной конституции была и остаётся Англия» [8, с. 110]. Как полагает К.В. Арановский, впервые конституция «обзавелась» двойным названием в США в связи со слушанием дела Мэрбери против Мэдисона (1803 г.), когда Председатель Верховного Суда Дж. Маршалл заявил следующее: «Конституция либо является высшим законом, который невозможно изменить с помощью обычных законов, либо стоит на их уровне и может быть изменена, когда это будет угодно законодательной власти. Тогда Конституция есть не что иное, как абсурдная попытка ограничить власть, безграничную по своей природе» [8, с. 109]. С тех пор, по-видимому, сложилось мнение о нераздельности «основного закона» и «конституции».

В другой своей работе К.В. Арановский, обращаясь к российской истории, пишет о том, что «если конституцию считать основным законом, пришлось бы заключить, что и самодержавная Российская Империя была конституционной. Ведь основные законы Россия приняла ещё в 30-х годах XIX века. Однако не нужно доказывать, что до 17 октября 1905 года (или апреля 1906) в России (не считая Финляндии) конституции не было. Если конституция – это основной закон, тогда конституции нет у Великобритании, ибо в Соединённом Королевстве нет и никогда не было основных законов. Но ведь Англия (по выражению А.Д. Градовского) навсегда останется «отечеством конституционных учреждений». [...] В XIX веке лорд Пальмерстон насмешливо обещал дать хорошую награду тому, кто преподнесёт ему экземпляр английской конституции. Награда напрасно ждала получателя и, как известно, не за отсутствием английской конституции, а потому что для неё не написали основного закона [2, с. 183].

Такая точка зрения не претендует на оригинальность. О существовании конституции в Российской империи писал И.Л. Солоневич: «Достаточно ясно, что всякий основной закон ограничивает власть монарха уже самим фактом своего существования, иначе – зачем нужен закон? Так, основные законы России, существовавшие до 1905 года, ограничивали власть монарха в вопросах вероисповедания и престолонаследия. Основные законы после 1905 года ограничивали власть монарха и в законодательной области. *Говоря иначе, и те и другие были конституцией* (курсив наш. – А. П.). Конституция, как известно, может быть писаной и неписаной. Неписаная конституция Московской Руси ограничивала власть московских самодержцев» [9, с. 97]. Можно вспомнить и замечание Ш.-Л. Монтескьё, сделанное им в работе «О духе законов»: «Согласно конституциям Московии (речь идёт о 1722 г. – А. П.) царь волен избрать себе в преемники кого хочет или в своём семействе, или вне его» [10, с. 61]. Здесь, вне всякого сомнения, явная натяжка. Деспотическое правление Петра I не знало никаких ограничений, и говорить о нём в конституционном ракурсе не следует.

Не всегда с понятием конституции связывают юридическое верховенство, как то свойственно основному закону государства. Например, в Исламской Республике Иран имеется акт, именуемый «Конституцией», но верховенство и высшая юридическая сила признаётся не за ним, а за религиозным писанием – Кораном. Здесь можно отметить особенность конституций целого ряда и иных мусульманских стран (Бахрейн, Объединённые Арабские Эмираты, Иордания, Пакистан), заключающуюся в признании мусульманского права или его принципов основным источником законодательства, однако «речь в данном случае идёт не о признании мусульманско-правовой доктрины в качестве формального источника, а об ориентации законодателя на закрепление её выводов в позитивном праве» [11, с. 64].

Своеобразно трактуются понятия «конституция» и «основной закон» юридической доктриной и практикой ФРГ. В 1949 году Основной Закон ФРГ был принят Парламентским Советом и утверждён военными губернаторами США, Франции, Великобритании. Историки права Н.А. Крашенинникова и О.А. Жидков [12, с. 344] особо отмечают, что термины «учредительное собрание» и «конституция» были сняты из употребления по настоянию самих немцев как «подразумевающие явный сепаратизм». Основной Закон должен был обозначать «временный характер» установленных им конституционных порядков, и в конце мая 1949 года он вступил в действие в качестве фактической постоянной Конституции ФРГ.

Дело в том, что создатели Основного Закона ФРГ 1949 года рассматривали себя в качестве представителей всего населения бывшей Германии, создавших его, как указано в преамбуле, в целях сохранения национального и государственного единства, и за тех немцев, «которым было отказано в сотрудничестве» (напомним, что в настоящее время действует новая редакция преамбулы, соответствующая Договору об объединении от 31 августа 1991 г.). Статья 146 подчёркивала переходной характер Основного Закона, предполагая прекращение его действия «в день, когда вступит в действие Конституция, принятая свободным волеизъявлением немецкого народа» [13, с. 288]. Но в текст Основного Закона впоследствии была включена статья 23, предусматривающая вступление Основного Закона в силу и «в остальных частях Германии ... по их присоединению» (сейчас действует новая редакция этой статьи). Именно на основе статьи 23 состоялось фактическое присоединение ГДР к ФРГ, хотя в 1990 году существовала и другая юридическая возможность для объединения, предусматривавшая выработку новой конституции. Но выбрали первый вариант, и как следствие объединения, были внесены многочисленные поправки к Основному Закону, которые в целом не поколебали его духа и принципов.

Немецкие государственноведы не придают существенного внимания проблеме различия «основного закона» и «конституции». Например, профессор В. Бергманн уверенно пишет о том, что после 1955 года (заключения «Договора о Германии между государственными органами ФРГ и западными союзниками»), когда стране было передано полновластие суверенного государства в её внутренних и внешних делах, «Основной Закон в правовом отношении стал *полноценной Конституцией* (курсив наш – А. П.)» [14, с. 7]. В предисловии к печатному изданию об Основном Законе ФРГ Президент Роман Херцог отмечает, что «после завершения процесса, обеспечившего единство Германии и на основе свободного и сознательного решения граждан Основной Закон стал общегерманской Конституцией. [...] Это самая свободная конституция, какую немцы имели в своей истории. [...] У нас, немцев, есть все основания гордиться своим Основным Законом и всеми силами поддерживать эту Конституцию» [14, с. 3]. Авторы 7-ми томного издания по государственному праву Германии (Й. Изензее, Е. Бёкенфёрде, Г. Рёллеке, В. Гек, В. Лёвер) повсеместно используют наряду с термином «основной закон» (Grundgesetz) термин «конституция» (Verfassung) [15, с. 310]. Вероятно, без такого хода не обойтись, иначе как бы немецкие учёные писали о «конституционном государстве»? Таким образом, в Германии верховенством обладает юридический акт, именуемый «Основным Законом», но фактически все политики, учёные, граждане предпочитают называть его Конституцией, которая, возможно, никогда принята и не будет.

В большинстве современных государств конституцию рассматривают законом особого рода, поэтому и используется термин «основной закон». На волне революционных преобразований в Северной Америке и Европе (Речь Посполитая, Франция) конца XVIII века первоначальное требование принять

конституцию было намерением создать для нового порядка некий основной закон, которому должны будут соответствовать другие правовые акты и в соответствии с которым будет строиться управление государством (именно поэтому, с нашей точки зрения, конституцию не следует считать общественным документом, она является основополагающим актом прежде всего государства, хотя воля на её принятие может быть выражена через референдум). Не случайно в первых конституциях вопросы общественного устройства затрагивались в минимальной степени.

Заслуживает внимания трактовка «основного закона» Т.Я. Хабриевой и В.Е. Чиркиным, согласно которой указанное содержание понятия включает несколько элементов (авторы здесь подразумевают то, что в литературе получило название «юридических свойств конституции»). В рамках выяснения значения оборота «основной закон» обратим внимание на одну из составляющих проблемы. Итак, по мнению учёных, содержание понятия «основной закон» прежде всего означает, что «конституция, как и любой закон, не регулирует и не может регулировать все вопросы жизни людей [...]. Многие общественные отношения регулируются не конституциями, а другими правовыми актами [...], [но] конституция закрепляет и регулирует только основные, главные, принципиальные общественные отношения, являющиеся базой для развития других. Она в концентрированном виде выражает не всякие, а *жизненные интересы* различных социально-политических сил общества. Из этого следует, что конституция – такой основной закон, который имеет особый *объект* регулирования» [16, с. 37].

Это действительно так, что подтверждается текстами действующих конституций. Обобщая содержание разных конституций стран мира, отметим, что к числу важнейших общественных отношений, регулируемых конституциями, включают основы общественного и государственного строя, правового статуса человека и гражданина, отношение государства к международному сообществу (в преамбуле белорусской Конституции говорится, что народ Республики Беларусь «сознаёт себя полноправным субъектом мирового сообщества»). Сказанное следует отнести к важнейшей сущностной характеристике любого основного закона, хотя с формальной стороны, анализируя конституцию как особый юридический документ, важно выделять и понимать сугубо правовые свойства основного закона, о чём и пойдёт речь далее. Но прежде подведём некоторые итоги.

Как было выяснено, понятия конституции и основного закона не совпадают. «Это, однако, не означает, что они никак не пересекаются. Между ними нет непроходимой границы», – указывает К.В. Арановский [8, с. 110]. Напомним основные варианты. В Великобритании есть «материальная» Конституция, но нет Основного Закона. В Германии действует Основной Закон, но нет Конституции в формальном смысле, и вместе с тем ФРГ – конституционное государство. В Иране есть Конституция, но она не признаётся Основным Законом, и тем более речь не идёт о конституционном государстве. В России нет Основного Закона по юридической терминологии, но есть Конституция, которая выполняет функции такового. В Беларуси официально признаны оба термина, и только Конституция вправе называться «Основным Законом», что снимает любые вопросы относительно её юридических свойств.

Наиболее точной по рассматриваемой проблеме нам представляется позиция К.В. Арановского. В своих исследованиях автор постоянно подчёркивает, что конституция исторически сложилась не как плод законодательного расчёта, а как выстраданный образ жизни и появилась она не в стройных очертаниях основного закона, а в разрозненных правоотношениях, разнесённая по разным источникам. Понадобилось время, чтобы в правовом искусстве появилось такое средство, как основной закон, чтобы дать конституции эту форму. Иными словами, «если понимать конституцию в её правовом содержании, а форма основного закона этого понимания не даёт, нужно определить конституцию как собрание положений, выражающих народовластие, личную и политическую свободу, законность и верховенство права, правила государственного устройства и местного управления» [2, с. 189]. Получается, что в любом случае надо обращаться к содержательному пониманию конституции, оставляя на втором плане вопросы конституционной формы.

Важнейшее юридическое свойство конституции – её верховенство. Оно означает (по Ю.А. Тихомирову), что «любой правовой акт, любое действие (равно как и, впрочем, бездействие) органа публичной власти или его должностного лица должны соответствовать Конституции. Соответствие Конституции – это не воспроизведение её, как иногда понимается, это не только её соблюдение или использование, а, по крайней мере, *непротиворечие ей*. Акт или действие соответствуют Конституции, если вытекают из её предписаний либо осуществлены в сфере, которая ею ни прямо, ни косвенно не регулируется. [...] главное, когда речь идёт о верховенстве Конституции, – это её соотношение с другими правовыми актами, а не общий режим конституционности, опирающийся на такое верховенство» [17, с. 32]. Выделенное нами курсивом положение очень важно для понимания. Действительно, правовые акты должны соответствовать конституции либо всего лишь ей не противоречить? Рассмотрим основные взгляды на проблему.

Вот что пишет В.В. Маклаков: «Следует иметь в виду, что *соответствие акта конституции (конституционность акта)* – это его *непротиворечие ей*. В противном случае мы придём к абсурду,

полагая невозможным какое бы то ни было правовое регулирование за пределами, установленными конституцией. Ведь ни одна конституция не в состоянии определить все сферы общественной жизни, подлежащие правовому, даже чисто законодательному, регулированию. Мировая практика, как правило, допускает восполнение пробелов в праве обычными законами. Такие законы не могут буквально соответствовать конституции, ибо регулируемая ими материя в конституции не отражена, но и они ни в коем случае не должны противоречить конституционным нормам. В то же время *неконституционность* акта равнозначна его *противоконституционности*» [18, с. 72].

Несколько иная аргументация используется судьёй Конституционного Суда Российской Федерации А.Я. Сливой в критическом отношении статьи 125 российской Конституции, где применён термин «соответствие Конституции Российской Федерации». Автор комментария к Конституции Российской Федерации полагает правильным использовать термин «непротиворечие Конституции Российской Федерации» и объясняет это следующим: «Фактическое и юридическое содержание понятий, обозначаемых этими терминами [«непротиворечие» и «соответствие»], не вполне совпадает. Императивные нормы Конституции однозначно определяют вариант поведения их адресатов, и в этом случае Конституция пользуется термином «соответствие» («несоответствие»). Диспозитивные нормы допускают различные варианты поведения адресатов, и выбор любого из этих вариантов при соблюдении указанных в них условий и обстоятельств не противоречит Конституции» [6, с. 48].

В своих исследованиях созвучно рассмотренным позициям однозначен Н.В. Витрук: «Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, *не должны противоречить* (курсив наш – А. П.) Конституции Российской Федерации» [19, с. 46].

В продолжение темы уместны рассуждения С.А. Авакьяна о проблемах надлежащего обеспечения верховенства конституции. Анализируя опыт российского конституционализма, его во многом трагические уроки, автор делает важное, как нам представляется, замечание: «Акты могут развивать положения конституции. Но при этом, если первое слово по какому-то вопросу уже сказано в конституции, они не вправе содержать в себе другое предписание. К этому, так сказать, формальному аспекту добавляется и сущностный: нельзя в другом акте путём интерпретаций, словесных манипуляций предусмотреть такие варианты действий, которые не вытекают из самой конституции, да по её духу и не могут из неё следовать» [20, с. 172]. Даёт ли опасение С.А. Авакьяна повод задуматься над белорусской ситуацией, проиллюстрируем на следующем примере.

В 2007 году вступил в силу Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей, где в части 2 статьи 21 «**Порядок избрания судей Конституционного Суда Республики Беларусь**» говорится о том, что «кандидатуры для избрания на должности судей Конституционного Суда Республики Беларусь *предлагаются Председателем* (курсив наш – А. П.) Конституционного Суда Республики Беларусь». А что гласит Конституция? При формировании состава Конституционного Суда «Совет Республики избирает шесть судей Конституционного Суда» (ст. 98 п. 3 Конституции Республики Беларусь). В части 3 статьи 116 Конституции также всё предельно чётко: «Шесть судей Конституционного Суда назначаются Президентом Республики Беларусь, шесть судей избираются Советом Республики». Нигде в Основном Законе не говорится о столь весомом полномочии Председателя Конституционного Суда, как это предусматривает действующий Кодекс о судоустройстве и статусе судей! Норма кодекса явно противоречит Конституции, но на практике была неоднократно реализована. Принцип верховенства Основного Закона здесь не соблюден, и это очевидно.

Иной позиции (отличной от В.В. Маклакова, А.Я. Сливы) придерживаются Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин: «...конституция как основной закон обладает высшей юридической силой. Все другие правовые акты *должны соответствовать конституции*. Если другие акты не соответствуют конституции, они являются недействующими; [...] все правовые акты, а также действия органов государства, местного самоуправления, добровольных объединений, физических и юридических лиц должны соответствовать Конституции» [16, с. 39, 298]. С нашей точки зрения, более корректным и точным в юридическом отношении является первый из рассмотренных подходов, его и будем придерживаться в дальнейшем.

Признание принципа верховенства основного закона означает, прежде всего, утверждение конституционного строя, стремление приблизиться к идеалам правового государства. Если рассматривать конституцию как предельно концентрированный юридический субстрат, то её верховенство и означает не что иное, как базовую основу для установления принципа верховенства права, о чём гласит статья 7 Основного Закона нашей страны. В практическом преломлении это означает также, что с её принципами, нормами, программными установками должна соотноситься деятельность всех государственных и общественных структур, должностных лиц и граждан. По образному выражению Е.В. Козловой, «конституция выступает как бы доминантой всего общественного развития» [21, ст. 69]. И не только. Значение верховенства конституции двукратно возрастает для федеративных государств, где часто возникают

«трения» между федеральным центром и субъектами федерации. Неуклонная реализация данного принципа позволяет сохранять государственную и территориальную целостность федеративного образования.

В тексте белорусской Конституции нигде дословно не воспроизведён принцип её верховенства. В России, например, такое положение прописано чётко: «Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации» (ч. 2 ст. 4 Конституции Российской Федерации). Но не следует полагать, что в Беларуси проблема верховенства Основного Закона нашла лишь доктринальное решение. Систематическое толкование всего текста Конституции со всей очевидностью предполагает, что принцип верховенства нашёл отражение во многих статьях (1, 3, 5, 7, 8, 137, 142) Основного Закона. Впрочем, это не единственное серьёзное текстуальное различие между двумя конституциями. Например, в Основном Законе Беларуси однозначно не говорится о прямом действии Конституции либо светском характере государства, как то имеет место в России, но целый ряд статей не дают в этом усомниться и при анализе белорусской Конституции.

Таким образом, верховенство конституции обуславливается необходимостью обеспечить целостность и непротиворечивость всей сложнейшей системы правовых актов (как нормативных, так и индивидуального характера), гарантировать демократическое и рациональное функционирование всех государственных и общественных институтов. Нельзя при этом не отметить, что зарубежные конституции такого рода принципы обычно не содержат. Вероятно, и для государственных органов, и для граждан это – самоочевидные истины, которые не следует особым образом фиксировать.

Верховенству конституции очень созвучно другое её юридическое свойство – *высшая юридическая сила*. Она характеризует место конституции в иерархии нормативных правовых актов, действующих в государстве. Иногда вопрос ставится шире – определяется, какое место занимает конституция во всей системе действующих источников права.

Высшую юридическую силу принято рассматривать в материальном и формальном смысле. В первом случае речь идёт о том, чтобы нижестоящие по силе правовые нормы соответствовали по существу нормам основного закона (по крайней мере, не противоречили бы им). Во втором случае подразумевается, что при юридической коллизии нормы конституции всегда имеют приоритет над нормами любого другого акта (не следует забывать и о том, что именно конституция определяет субъектов правотворчества, порядок и процедуру такого рода деятельности, в некоторых странах – даже систему источников действующего права, как то имеет место в Польше [22, с. 249]).

В Беларуси в самом Основном Законе (ст. 137) говорится о том, «что конституция обладает высшей юридической силой. Законы, декреты, указы и иные акты государственных органов издаются на основе и в соответствии с Конституцией Республики Беларусь». Упущением авторов-разработчиков действующей конституции является отсутствие в самом тексте формулировки о том, что Конституцию следует считать актом прямого действия. Через такую норму утверждается однозначное восприятие конституции как реального, а не декларативного документа, слабо приспособленного к запросам повседневной юридической практики. Например, о прямом действии Конституции говорится в Основном Законе Российской Федерации (ст. 15), однако прием во внимание и уточнение, предложенное О.Е. Кутафиным. Подчёркивая регулирующее значение Основного Закона, учёный, тем не менее, оговаривает, что «необходимо различать непосредственное и опосредованное действие конституционных норм. Непосредственным является такое действие конституционных норм, которое осуществляется только конституционными средствами, а также совместными с другими правовыми нормами, которые обычно определяют процедуру реализации конституционных норм. Опосредованным считается такое действие конституционных норм, которое осуществляется после предварительной их конкретизации в иных законодательных актах. Такая конкретизация обеспечивается нормами других отраслей права» [23, с. 111].

Необычно звучат в этой связи слова Президента Германии Р. Херцога о том, что «конституция может предопределить только ценности и общие рамки государственного устройства. *Непосредственно решать конкретные проблемы она не предназначена*» (курсив наш. – А. П.). Чтобы не стать разменной монетой, она должна оставаться верной своим принципиальным основам» [14, с. 3]. Здесь высокий государственный муж явно ошибается. Как раз практика Конституционного Суда ФРГ считается эталоном того, как следует применять Основной Закон при разрешении сложнейших юридических ситуаций.

Следует сказать и о судебной практике в Российской Федерации. В России о непосредственном действии прав и свобод человека и гражданина говорится в статье 18 Конституции, а о прямом действии Конституции – в части 1 статьи 15, и такое прямое действие Конституции наиболее важно для защиты и свобод граждан. Это позволяет заинтересованному субъекту требовать защиты своих прав в судебном порядке, ссылаясь только на конституционную формулировку. Не случайно большинство постановлений Конституционный Суд Российской Федерации выносит по результатам обращений граждан с конститу-

ционными жалобами и по запросам судов общей и арбитражной юрисдикции (что составляет более 80 % всех дел, рассматриваемых Конституционным Судом).

В отличие от Беларуси, в Российской Федерации к процедуре нормоконтроля «подключены» Верховный Суд и Высший Арбитражный Суд (аналог белорусскому Высшему Хозяйственному Суду), которые также формируют установки на непосредственное действие Конституции нижестоящим судам. Например, Верховный Суд России своим постановлением от 31 октября 1995 года [24, с. 70] разъяснил судам, что при рассмотрении дел следует оценивать содержание закона или иного нормативного акта и во всех необходимых случаях *применять Конституцию в качестве акта прямого действия*. Судья Конституционного Суда Российской Федерации Б.С. Эбзеев чётко сформулировал отношение к проблеме: «Конституция, занимающая верховную ступень иерархической лестницы законодательства, является неотъемлемой частью действующего права. Она должна быть не сводом малообеспеченных деклараций, как это бывало в недавней истории страны, а работающим политико-юридическим документом, позитивное воздействие которого на общество и государство тем богаче, чем полнее он претворяется в жизнь» [25, с. 117].

В Беларуси сложилась иная ситуация, и дело, конечно, не в том, что Основной Закон не содержит формулировки о прямом действии Конституции. Проблема видится в недостаточности и неэффективности правозащитных механизмов. Для примера возьмём лишь сферу судебного конституционного контроля. *Во-первых*, не предусмотрен институт конституционной жалобы, позволяющий гражданам напрямую обращаться в высший орган конституционного контроля. *Во-вторых*, суды общей юрисдикции и хозяйственные суды не наделены правом запроса в Конституционный Суд, если при разрешении дела сталкиваются с проблемой применения нормы, в отношении которой возникли сомнения относительно её конституционности. *В-третьих*, такая ситуация приводит к пассивности самого Конституционного Суда (например, в 2008 – 2012 годах им не было вынесено ни одного заключения). *В-четвёртых*, представляется целесообразным наделить Верховный Суд и Высший Хозяйственный Суд правом конституционного контроля в отношении нормативных актов законодательного уровня (такой подход оправдал себя во всех государствах – Германии, Польше, России). *В-пятых*, из механизма контроля за конституционностью нормативных правовых актов фактически исключены органы прокуратуры. По крайней мере, Генеральному прокурору должно быть предоставлено право инициирования конституционного судопроизводства, что не предусматривается действующим законодательством. *В-шестых*, ... Перечень пунктов можно продолжить. Ясно, что действующая система нуждается в серьёзном реформировании, поскольку показала свою неэффективность.

Высшая юридическая сила конституции проявляется по отношению не только к текущему и будущему законодательству, но и к тому, которое было принято до вступления её в силу. И не случайно каждая новая конституция содержит статьи, регламентирующие вопрос об этом законодательстве. В Беларуси Основной Закон является таковым не только в системе законодательства. Он имеет высшую юридическую силу и в отношении заключаемых нашим государством международных договоров. Это выражается в том, что «не допускается заключение международных договоров, которые противоречат Конституции (ч. 3 ст. 8 Конституции Республики Беларусь)». В этой связи следует отметить Декрет Президента Республики Беларусь от 26 июня 2008 г. № 14 «О некоторых мерах по совершенствованию деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь», где в пункте 1.2 установлено, что Конституционный Суд «по предложению Президента Республики Беларусь излагает позицию о конституционности международных договоров до подписания Президентом Республики Беларусь нормативных правовых актов о выражении согласия Республики Беларусь на обязательность для неё этих международных договоров». Такой механизм превентивного контроля получил распространение во многих государствах (Австрия, Болгария, Германия, Россия, Украина, Словения, Чили). В Беларуси предварительный контроль международных договоров сочетается с последующим, реализация которого очень проблематична.

В литературе часто высшую юридическую силу конституции трактуют в рамках некой «юридической пирамиды». Таков подход Председателя Конституционного Суда Российской Федерации (2013 г.) В.Д. Зорькина. Он пишет об иерархической правовой системе, «на вершине которой находится Конституция с заложенными в ней основными принципами, целями и ценностями, в конечном счёте восходящими к идее права как норме свободы. Для изображения этой системы более всего подходит образ пирамиды. Правовая система, по сути, и есть “юридическая пирамида” как нормативная форма жизни социума» [26, с. 99]. Несмотря на всю «красивость» таких метафор, буквальное их понимание оставляет ряд вопросов. В частности, коль речь зашла о «пирамиде», то конституция должна рассматриваться как её основа, а не верхушка. Но будет ли такое построение «пирамидой»? Если уж говорить о системе права как иерархии норм и принципов, более уместно следовать известному постулату Г. Кельзена о том, что в основе любой правовой системы должна лежать базисная, первоначальная норма, которой

должны следовать все остальные. Роль такой нормы выполняет конституция государства, обладающая высшей юридической силой.

В развитие идей о верховенстве и высшей юридической силе конституции следует сказать и о том, что *основной закон является базой для текущего законодательства, определяет его характер*. Как пишет С.А. Авакьян, «текущее законодательство *развивает* предписания конституции, *исходит из её духа* при детальном регулировании различных общественных отношений» [20, с. 172]. Но это касается не только текущего законодательства.

Практика Конституционного Суда Республики Беларусь показывает, что чаще всего нормы Основного Закона применяются совместно с нормами различных отраслей права. Это обусловлено тем, что самих конституционных норм не всегда бывает достаточно для реализации положений Основного Закона, который закрепляет лишь главные, принципиальные основы правового регулирования, самым общим образом моделирует параметры политической, экономической, социальной организации, устанавливает базовые права, свободы и обязанности граждан, организационные и функциональные принципы деятельности государственных органов. Поэтому и необходима «трансформация» большинства конституционных норм в других нормативных правовых актах.

Такую ситуацию Б.С. Эбзеев охарактеризовал как «перевод общих конституционных предписаний на язык отраслевого законодательства», который «должен сопровождаться конкретизацией постановлений Конституции, детализацией конституционных гарантий основных прав, свобод и обязанностей граждан средствами текущего законодательства, а также выработкой процессуальных форм осуществления норм Основного Закона» [25, с. 136]. Понятно, что в процессе конкретизации недопустимо отступление от буквы и духа конституции, ограничение круга предусмотренных конституционной нормой правомочий или носителей соответствующих прав и обязанностей. В контексте проблемы нельзя не сказать о постепенном снижении роли закона и Парламента в белорусской правовой системе даже в формате действующей Конституции. Ещё в 1998 году Президентом согласно Указу от 04.03.98 № 99 «О некоторых вопросах законопроектной деятельности» [27] был поставлен вопрос об «оптимальном» применении закона и субъектам законодательной инициативы была дана установка на то, чтобы форма закона использовалась только в случае, если те или иные отношения невозможно регламентировать иными нормативными актами. К настоящему времени (2013 г.) ввиду изданных Главой государства многочисленных декретов и указов депутаты Палаты представителей и члены Совета Республики фактически утратили право самостоятельного инициирования законопроектов, что совершенно не согласуется с положениями Основного Закона. Это пример явного отступления от духа и буквы Конституции.

Основной Закон в прямом смысле можно считать базой текущего законодательства, так как в нём заложены различные механизмы, предусматривающие возможность и необходимость развития конституционных положений. Достаточно сказать, что в белорусской Конституции около 100 ссылок и упоминаний об иных нормативных актах, а инициирование правового регулирования достигается самыми разными приёмами и способами:

1) часто Конституция прямо указывает виды законов, требуемых для детального регулирования определённых вопросов. Так, это законы о статусе города Минска (ст. 20), о чрезвычайном и военном положении (ст. 41), о порядке проведения выборов (ст. 71), о Совете Министров (ст. 108) и др. Такого рода законы во многих зарубежных странах получили название конституционных либо органических, в Беларуси такое название закона официально не закреплено, что не представляется верным. Более того, некоторые из законов, прямо предусмотренные Конституцией, в Республике Беларусь не приняты до сего времени (2013 г.). В частности, один из них должен регулировать «порядок прохождения воинской службы, основания и условия освобождения от воинской службы либо замену её альтернативной» (ст. 57 Конституции). Первым же законом, принятым в развитие Конституции 1994 года, был Закон «О Конституционном Суде Республики Беларусь»;

2) нередко в Основном Законе содержится указание на то, что определённые общественные отношения регулируются законом, но при этом ничего не говорится о его наименовании либо содержании. Например, в статье 50 Конституции предусмотрено, что «оскорбление национального достоинства преследуется согласно закону»;

3) значительно реже говорится о необходимости дополнительного регулирования общественных отношений либо закрепления гарантий для их участников в акте текущего законодательства, оставляя на последующее разрешение вопроса о виде акта и принимающем его органе. Например, согласно части 3 статьи 9 Конституции «Административно-территориальное деление государства определяется законодательством»;

4) в Основном Законе могут содержаться такие формулировки статей, из текста которых очевидна обязательность последующего нормативного регулирования, обеспечивающего реализацию конституционной нормы. Так, согласно статье 23 Конституции «ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного

порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц». Очевидно, что применение данной нормы без специального закона невозможно;

5) можно обратить внимание и на то обстоятельство, что Конституция во многих случаях говорит о том, что права и интересы граждан гарантируются либо охраняются законом, а соответствующие действия органов и должностных лиц регулируются законом. Например, статья 22 гласит: «Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов». Конечно, здесь имеется в виду не просто отдельный акт в виде закона, а любой нормативный акт действующей системы законодательства. Поэтому данной норме необходимо давать не буквальное, а расширительное толкование.

Отсюда становится понятным, почему столь часто конституцию называют «ядром правовой системы государства», ведь её принципы и нормы играют направляющую роль для всей системы права и законодательства. Сугубо в правовом отношении точно отмечено [21, с. 70], что именно конституция определяет сам процесс правотворчества – устанавливает, какие основные акты принимают различные органы, их наименования, юридическую силу, порядок и процедуру принятия законов. И не случайно принятие новой конституции (или принципиально новой её редакции, как то имело место в Беларуси в 1996 г.) обычно вызывает кардинальное изменение и обновление всего текущего законодательства.

Практически во всех случаях конституционное регулирование сопровождается воздействием целого комплекса правовых норм, часто относящихся к различным отраслям права, однако «конституция не должна утрачивать ведущей роли в этом общем потоке правового регулирования, [...] именно она формирует основу нормативной модели общественных отношений [...]. Это своего рода несущая конструкция, на которой строится практически всё законодательство» [28, с. 79]. Нормы всех актов, принятых на основе и в развитие конституции, должны, таким образом, конкретизировать конституционные положения, чтобы создать дополнительные условия их реализации, но ни в коем случае не наоборот.

В современных условиях постепенно вырабатывается новое понимание того, как и за счёт чего должна развиваться база текущего законодательства на основе основного закона. И здесь следует учитывать не только правотворчество «традиционных» нормотворческих органов (парламента, президента, правительства). Дело в том, что с развитием в Европе и бывших советских республиках судебного конституционного контроля нормы и принципы основного закона стали всё активнее внедряться в отраслевое законодательство при помощи нормоконтрольной и интерпретационной деятельности органов конституционного правосудия. Большое значение для нормотворческой деятельности и гармонизации законодательства имеют так называемые «правовые позиции», формулируемые конституционными судами по самым существенным конституционным вопросам.

Отсутствие у Конституционного Суда Республики Беларусь официального полномочия по нормативному толкованию Основного Закона значительно «обедняет» его потенциал, что не способствует конституционализации правового порядка (такое полномочие и соответствующий богатый опыт имеют конституционные суды Австрии, Германии, Польши, России). Удручает и тот факт, что с 2007 года Конституционный Суд Беларуси не вынес ни одного заключения в рамках осуществления своей основной функции – нормоконтроля, хотя ежегодно к этому имелось немало оснований.

Проблема соотношения конституции и текущего законодательства не имеет однозначного решения, многое зависит не только от юридических, но и иных факторов и состояний: политической воли ведущих субъектов, объёма компетенции и степени его реализации государственными органами, правовой культуры общества, социально-экономических условий, уровня интегрированности в европейское правовое и политическое пространство. Можно сказать и так, что сам факт того, насколько конституция выступает базой текущего законодательства, настолько она является «живым», реально действующим, а не фиктивным документом, содержащим в себе лишь набор красивых лозунгов и деклараций.

Любой современной конституции характерно и *такое юридическое свойство, как особый порядок её принятия и пересмотра, внесения поправок*. Сейчас лишь ограничимся констатацией этого особого и усложнённого порядка, поскольку детальное раскрытие вопроса предполагается в иной публикации. Мировая практика говорит о том, что для принятия, пересмотра, изменений конституции предусматриваются более жёсткие процедуры, чем это имеет место с обыкновенными законами.

Утверждение писаных конституций как законов с особым статусом и авторитетом повлекло за собой *их особую охрану и защиту, что можно рассматривать особым юридическим свойством основного закона*. В этой системе охраны и защиты задействованы все органы государственной власти, но на первый план со 2-й половины XX века выходит институт специализированного конституционного контроля, чаще всего воплощаемый конституционными судами. Как полагает Р. Давид, именно особый авторитет конституционных положений способствовал установлению контроля над конституционностью других законов: «В наши дни существует отчётливое стремление повысить ценность конституционных норм, усилив их практическое значение как норм, стоящих над обыкновенными законами» [29, с. 79].

Некоторые страны пошли по примеру США, отдавая конституционный контроль «на откуп» судам общей юрисдикции, но в Европе распространение получил Австрийский (Кельзеновский) вариант, предполагающий создание специализированных конституционных судов. По сути, конституционные суды в странах Западной Европы оказались на самой вершине государственной власти, а их решения по юридической силе идут вслед за конституцией. В странах романо-германской правовой семьи наличие писаных конституций и их «стражей» – конституционных судов – сегодня воспринимается как необходимый элемент правовой государственности (см. об этом подробно: Н.С. Бондарь [30]; А.Н. Бланкенгель [31]; А.Л. Бурков [32]; Г.А. Василевич [33]; А.Н. Верещагин [34]; А.А. Клишас [35]; Р. Леже [36]; В.О. Лучин [37]; Ф. Люшер [38]; М.Н. Марченко [39]; А.Н. Медушевский [40]; М.А. Митюков [41]; Ж.И. Овсепян [42]; А.Н. Пугачёв [43]; Б.Р. Тузмухамедов [44]; Ф.А. фон Хайек [45]; Т.Я. Хабриева [46]; Ю. Штайнер [47] и др.).

Все рассмотренные юридические свойства основного закона последовательно и детально отражаются в действующей белорусской Конституции, и дело остаётся за главным – последовательно реализовывать их на практике. В этом и заключается основная идея конституционного государства.

Закключение. Рассмотрение юридических свойств конституции позволяет выделить её наиболее существенные признаки (характеристики), к числу которых следует отнести:

- верховенство;
- высшую юридическую силу;
- значение как базы текущего законодательства;
- особый порядок её принятия и пересмотра, внесения поправок;
- специфические механизмы её охраны и защиты.

Набор выявленных признаков не является исчерпывающим, возможны и иные варианты ввиду того, что проблема лежит в доктринальной плоскости.

Изучение законодательства многих зарубежных стран позволяет говорить о неоправданности смешения терминов «конституция» и «основной закон», однако между ними нет непреодолимой границы. Во многом причина разночтений – форма конституции. В Беларуси официальными признаются оба термина, что снимает любые вопросы относительно её сущностных характеристик.

При рассмотрении высшей юридической силы конституции данный вопрос необходимо «увязывать» с её верховенством (более широким понятием). Здесь важна актуализация о материальных и формальных критериях непротиворечия (соответствия) основному закону всей системы действующих правовых актов. Высшая юридическая сила предполагает прямое действие конституции, однако в отношении Беларуси приходится констатировать ситуацию, связанную с недостаточностью и неэффективностью правозащитных механизмов.

Характер действующего законодательства должен определяться «духом» и «буквой» основного закона, и перевод общих конституционных предписаний на язык отраслевого законодательства может достигаться самыми разными приёмами и способами, что позволяет говорить о конституции как «ядре» правовой системы. Устойчивой современной тенденцией следует считать активное внедрение норм и принципов основного закона в отраслевое законодательство посредством нормоконтрольной и интерпретационной деятельности органов конституционного правосудия. Однако Конституционный Суд Беларуси практически полностью выключен из указанной среды. Такое положение дел нельзя считать нормальным, поскольку верховенство конституции предполагает её особую охрану и защиту, и это качество можно рассматривать особым юридическим свойством основного закона.

Для конституций, по общему правилу, требуется особый (усложнённый) порядок принятия и пересмотра, внесения изменений и поправок. Здесь решающее значение имеет то, о «жесткой» либо «гибкой» конституции идёт речь. К названной напрямую примыкает проблема стабильности и динамичности основного закона. Но как соблюсти в процессе всевозможных трансформаций «букву» и «дух» основного закона – вопрос первостепенной важности с точки зрения укоренения конституционного правопорядка. Только на такой основе реализуема идея построения правового государства, что чрезвычайно актуально для Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медушевский, А.Н. Теория конституционных циклов / А.Н. Медушевский. – М.: ГУ ВШЭ, 2005. – 574 с.
2. Лазарев, В.В. О всеобщих методах историко-политических исследований / В.В. Лазарев // Проблемы взаимосвязи теоретического и исторического юридического научного задания: сб. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; под ред. В.В. Лазарева, С.В. Липеня. – Минск: Акад. МВД, 2012. – С. 9 – 18.
3. Авакьян, С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. / С.А. Авакьян. – М.: Юристъ, 2005. – Т. 1. – 719 с.

4. Лазарев, Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России / Л.В. Лазарев. – М.: ОАО Издат. Дом «Городец»; «Формула права», 2003. – 528 с.
5. Несмеянова, С.Э. Судебная практика Конституционного Суда Российской Федерации с комментариями / С.Э. Несмеянова. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 480 с.
6. Бондарь, Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. – 544 с.
7. Конституционный контроль в зарубежных странах: учеб. пособие / отв. ред. В.В. Маклаков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 672 с.
8. Арановский, К.В. Государственное право зарубежных стран: учеб. пособие / К.В. Арановский. – М.: ИНФРА-М; ИД «ФОРУМ», 2000. – 488 с.
9. Солоневич, И.Л. Народная монархия / И.Л. Солоневич. – М.: Изд-во «РИМИС», 2005. – 472 с.
10. Монтескье, Ш.Л. О духе законов / Ш.Л. Монтескье. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
11. Сравнительное конституционное право: учеб. пособие / отв. ред. В.Е. Чиркин. – М.: Междунар. отношения, 2002. – 448 с.
12. Бережнов, А.Г. Теоретические проблемы правопонимания и формирования содержания права / А.Г. Бережнов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 1997. – № 4. – С. 19–28.
13. Конституции зарубежных государств / сост. проф. В.В. Маклаков. – 2-е изд., исправ. и доп. – М.: БЕК, 1999. – 584 с.
14. Основной Закон Федеративной Республики Германия. Введение и научное консультирование / проф. В. Бергман. – Бонн, Клаусен & Боссе, Лек. 1998.
15. Государственное право Германии / Н. Ахтенберг [и др.]. Т. 1. – М.: РАН, 1994. – 318 с.
16. Хабриева, Т.Я. Теория современной конституции / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2005. – 320 с.
17. Конституция, закон, подзаконный акт / И.В. Котелевская [и др.]; под ред. Ю.А. Тихомирова. – М.: Юрид. лит., 1994. – 136 с. – [Электронная версия].
18. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для юрид. вузов / Г.Н. Андреева [и др.]. Т. 1–2; под ред. Б.А. Страшуна. – М.: БЕК, 1996. – 778 с.
19. Витрук, Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учеб. пособие / Н.В. Витрук. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. – 527 с.
20. Авакьян, С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. / С.А. Авакьян. Т. 1. – М.: Юристъ, 2005. – 719 с.
21. Козлова, Е.И. Конституционное право России: учебник / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 608 с.
22. Вашкевич, А. Основы конституционного права Республики Польша: пособие для студентов вузов / А. Вашкевич. – Минск: Тесей, 2007. – 488 с.
23. Кутафин, О.Е. Российский конституционализм / О.Е. Кутафин. – М.: Норма, 2008. – 258 с. – [Электронная версия].
24. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для юрид. вузов и фак. / М.В. Баглай. – М.: НОРМА, 2000. – 776 с.
25. Эбзеев, Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б.С. Эбзеев. – М.: Юрид. лит., 2005. – 576 с.
26. Зорькин, В.Д. Современный мир, право и Конституция / В.Д. Зорькин. – М.: Норма, 2010. – 544 с.
27. О некоторых вопросах законопроектной деятельности в Республике Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь № 99 от 4 марта 1998 г., с изм. и доп. от 13 дек. 2007 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 303. – 1/9196.
28. Лучин, В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В.О. Лучин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.
29. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. – М.: Междунар. отношения, 1996. – 400 с.
30. Бондарь, Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. – 544 с.
31. Бланкенагель, А. «Детство, отрочество, юность» Российского Конституционного Суда / А. Бланкенагель // М.: Центр конституц. исслед. Моск. обществ. науч. фонда, 1996. – 122 с.
32. Бурков, А.Л. Судебная защита прав граждан от незаконных нормативных актов / А.Л. Бурков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – (Судебная практика и права человека. Вып. 2). – 180 с.
33. Василевич, Г.А. Конституционное правосудие / Г.А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2012. – 326 с. – (Серия «Юридическое обозрение»). – 111 с. – [Электронная версия].

34. Верещагин, А.Н. Судебное правотворчество в России. Сравнительно-правовые аспекты / А.Н. Верещагин. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 344 с.
35. Клишас, А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование / А.А. Клишас; под ред. проф. В.В. Еремяна / А.А. Клишас. – М.: Междунар. отношения, 2007. – 496 с.
36. Леже, Р. Великие правовые системы современности: сравнительный подход / Р. Леже; пер. с фр. А.В. Грядов. – 2-е изд. Перераб. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 592 с.
37. Лучин, В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В.О. Лучин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.
38. Люшер, Ф. Конституционная защита прав и свобод личности / Ф. Люшер. – М.: Универс, 1993. – 384 с.
39. Марченко, М.Н. Судебное правотворчество и судебское право / М.Н. Марченко. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 512 с.
40. Медушевский, А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе / А.Н. Медушевский. – М.: РОССПЭН, 1997. – 650 с.
41. Библиография по конституционному правосудию / авт.-сост. М.А. Митюков; вступ. ст. О.Г. Румянцева, Б.А. Страшуна; Фонд конституционных реформ. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 960 с.
42. Овсепян, Ж.И. Правовая защита конституций. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах / Ж.И. Овсепян. – Ростов-н/Д: Литера-Д, 1992. – 320 с.
43. Пугачев, А.Н. Судебный конституционный контроль: учеб.-метод. компл. для магистр. спец. 24 80 01 «Юриспруденция» / А.Н. Пугачев. – Новополюк: ПГУ, 2009. – 388 с.
44. Тузмухамедов, Б.Р. Международное право в конституционной юрисдикции: Хрестоматия / Б.Р. Тузмухамедов. – М.: Юрист, 2006. – 463 с.
45. Хайек Фридрих Август фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Фридрих Август фон Хайек; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева; под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 644 с. (Серия “Политическая наука”).
46. Хабриева, Т.Я. Правовая охрана Конституции / Т.Я. Хабриева. – Казань: Изд. Казанского ун-та, 1995. – 115 с.
47. Штайнер, Ю. Еўрапейскія дэмакратыі / Ю. Штайнер. – Мінск: ТАА «Лекцыя», 1996. – 343 с.

Поступила 27.03.2013

LEGAL FEATURES OF THE CONSTITUTION: DEFINITION, TYPES AND CHARACTERS

A. PUGACHEV

Legal features of the constitution are considered as the main features of it as the basic law of a state. The author's view of the problem is shown concerning the types of the essential characteristics under consideration. The reasons of alternative versions in understanding of such terms as “constitution” and “basic law” are analyzed on the example of some states. The supremacy of the constitution is considered its dominant legal feature. The supreme legal power of the basic law is disclosed through material and formal parameters. It is explained, why the constitution needs to be considered the basis of the current legislation. It is proposed to single out a special order of issuance and reconsideration of the constitution, adjustment and special mechanisms of protection as one of the legal properties of the constitution.